

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

УДК 340.14

© Тарасенко Юрий Александрович

— кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры «Гражданское право, международное частное право, гражданский процесс» Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ)

Договор купли-продажи в нормах Псковской судной грамоты: правовая квалификация

Аннотация. Купля-продажа — один из древнейших договоров на Руси. Ранее возникла только мена. Естественно, что современная купля-продажа отличается от ее древней конструкции. Тем не менее основные принципы этого института закладывались в период первых русских законов (какими являются Русская Правда, Новгородская и Псковская судные грамоты), а также ряда актов частного права, донесших до нашего времени идеи обычного права. В исследовательской литературе договор купли времен Псковской судной грамоты пристально изучался. Были выделены основные признаки, существенные условия, квалификация данного договора. В ряде работ договор купли-продажи квалифицируют в качестве консенсуального, выделяя при этом такие его разновидности, как продажа вещи в будущем и запродажа (соглашение о заключении договора в будущем). Задача статьи — показать, что конструкция возмездного отчуждения имущества в средневековом праве Северо-Западной Руси, основанная на нормах обычного права, не могла быть консенсуальной. Такой квалификации обычное право Руси не знало. Соответственно, не могли быть и договоры, построенные на консенсуальной модели. Все договоры (в том числе и купля-продажа), строились по определенной формуле, согласно которой договор мог быть только реальным и односторонним.

Ключевые слова: купля-продажа; договор; обычное право; Русская Правда; Псковская судная грамота; правовая природа договора.

© Yuriy Al. Tarasenko

— Candidate of Law, senior lecturer of the department of civil law, international private law, civil procedure of the Law Institute of the Russian University of Transport

Purchase and sale contract in the norms of the Pskov Judicial Charter: legal qualification

Abstract. Purchase and sale is one of the oldest type of contracts in Russia. There were only barter before. Naturally, the present purchase and sale is different from its ancient design. Nevertheless, the basic principles of this institution were laid down during the period of the first Russian laws (which are Russian Pravda, Novgorod and Pskov court letters), as well as a number of private law acts that have brought the ideas of customary law to our time. In the research literature, the purchase contract of the time of the Pskov Judicial Charter was closely studied. There have been highlighted main features, essential conditions, qualification of this agreement. In a number of papers, the purchase-and-sale contracts are qualified as consensual, highlighting such types as selling things in the future and selling (agreement on concluding a contract in the future). The purpose of the paper is to show that the construction of the onerous alienation of property in medieval law of North-West Russia, based on customary law, could not be consensual. The customary law of Russia did not know such a qualification. Accordingly, there could not have been agreements built on a consensual model. All contracts (including purchase-and-sale contracts) were built according to a certain formula, according to which the contract could only be genuine and unilateral.

Keywords: purchase and sale; contract; customary law; Russian Truth; Pskov Judicial Charter; legal nature of a contract.

Купля — один из самых распространенных и известных договоров на Руси. Не смотря на это, в Псковской судной грамоте 1467 г. (как, впрочем, и в Русской Правде) отсутствует его определение и сколь подробное регламентирование, что вполне объяснимо, с одной стороны, очевидностью данной конструкции для всякого и каждого, а с другой — еще слабым развитием частного права¹.

Что мы знаем о существе и содержании этого института, исходя из дошедших до нас правовых источников?

С точки зрения обычного права XII—XV вв., купля-продажа представляла процесс обмена какой-либо вещи на определенное количество денежных средств, в качестве которых выступали не только собственно монеты, но и другие их заменители (главным образом — различные шкуры пушных зверей). Об этом можно судить главным образом по содержанию

---

¹ «Ни Судная Новгородская, ни Уставная Двинская, ни Уставная Белозерская Грамоты не говорят ни слова о продаже и купле. Действительно, право обязательств не могло получить надлежащего развития в то время, когда законодательство не установилось в определенные границы» [1, стр. 37].

псковских и новгородских грамот, являющихся важным содержательным источником знаний о товарообменных процессах той эпохи.

В нормах самой Псковской судной грамоты купле-продаже напрямую посвящены лишь статьи об истребовании собственником своей вещи (46; 47, 54; 56), но только в аспекте того, что отобрание своей вещи обусловлено неправомерной ее продажей.

Несмотря на скудное отражение этого института в судной грамоте, в торговой деятельности использовались разнообразные способы заключения и исполнения этого договора. Можно утверждать, что в торговых операциях купля принимала довольно сложные формы. Новгородцы знали возможность заключения сделки с последующим ее исполнением через деятельность профессиональных посредников — приказчиков¹. Довольно обычной была конструкция купли посредством внесения предоплаты с последующей передачей вещи².

Что собой представлял договор купли-продажи (или как его именовали в то время — договор купли), какие он имел необходимые атрибуты и существенные условия, какова, наконец, его правовая природа?

К числу необходимых атрибутов данного договора относят: 1) описание лиц, заключающих эту сделку; 2) наличие у них свободной воли; 3) принадлежность продавцу отчуждаемого имущества на праве собственности; 4) согласование существенных условий.

Свобода воли у лиц, заключающих договор, выражалась в том, что договор не мог возникнуть без желания на то продавца или покупателя³.

Принадлежность отчуждаемого имущества на праве собственности была необходимым условием действительности совершаемой сделки по купле-продаже (так же, как и в Русской Правде). Если отчуждалась вещь неуполномоченным лицом (не собственником), то покупатель не становился собственником. При опознании такой вещи действительным собственником последняя у покупателя отбиралась.

---

¹ Об этом свидетельствуют содержания Новгородских грамот. Например, грамота № 420: «От Панка к Захарье и к Огафону. Я продал Миляте сорок бобров за десять гривен серебра. Когда получишь деньги, тогда отдай бобров. А деньги отдай Захарье». Повидимому, Захарья приказчик Панка, Огафон приказчик Миляты. Коммуникативная структура документа такова. Первой фразой автор извещает Захарью и Огафона о состоявшейся сделке. Вторая фраза обращена уже только к Захарье: ему предписывается получить деньги и после этого отдать бобров. Последняя фраза обращена к Огафону: ему предписывается отдать деньги Захарье [2, стр. 478].

² В грамоте № 282 указано следующее: «[А соли] не покупай: я купил немецкую соль. Доставил бы ты ее сюда» [2, стр. 618]. Из текста очевидно, что автор заплатил за соль, но фактически товар еще остается у продавца, и покупатель дает указание своему доверенному лицу получить уже оплаченный товар.

³ Профессор Рейц так прокомментировал статью из судной грамоты, отменявшую совершенную сделку вследствие неправильно (несвободно) сформированной воли: «Никакой договор не имеет силы без свободной воли и полного сознания, или когда он заключен о чужой собственности; обман и подлог разрушают его» [3, стр. 221—222].

Объектами купли выступали самые разнообразные вещи (определяемые как родовыми, так и индивидуально-определенными признаками) в отношении которых стороны достигали соглашения¹.

Существенными условиями купли-продажи выступали: а) объект; б) цена. В литературе помимо указанных условий называлось также и «обязательство со стороны продавца в том, что он будет очищать проданную вещь от чужой купчей или кабалы и не введет покупателя в убыток» [1, стр. 23]. Полагаем, что последнее условие еще не выступает в качестве безусловного и необходимого в сделках рассматриваемого периода. Из текста Псковской судной грамоты такое обязательство не следует, а в текстах грамот присутствует далеко не во всех случаях (см., например, грамоты № 160, 172, 174, 175, 177).

Судя по всему, договор составлялся в одном экземпляре и находился у покупателя. Вместе с договором покупателю передавались документы (купчие), свидетельствующие о правах на приобретаемый объект продавца (см. грамоту № 157)².

Какую природу имел договор купли в рассматриваемый период? В исследовательской литературе купля-продажа в Псковской судной грамоте либо никак не квалифицируется, либо определяется как договор консенсуальный, т.е. возникающий с момента достижения сторонами соглашения [4, стр. 311—314; 5, стр. 198—199, 227].

На основе текста грамот попытаемся понять, насколько такая оценка точна.

Обратим внимание на следующую интересную деталь. Купля-продажа строилась по определенной формуле: «се (такой-то) купил... у (такого-то) + описание объекта + а дал (описание встречного предоставления)... + себе и своим детям одерень (указание на переход в собственность)... а на то послухи (перечисление свидетелей факта сделки)». Подавляющее большинство сделок содержат именно такую формулировку.

Иными словами, договор строился по модели не отчуждения вещи, а ее приобретения.

Полагаем, что все сделки вне зависимости от их формы (письменная или устная) совершались по указанной выше формуле. Различие состояло лишь в том, что сделка с недвижимостью фиксировалась на пергаменте (бумаге) и подлежала регистрации в системе учета посредством снятия копии с документа и помещения на хранение в архив Троицкого собора во Пскове. Все остальные элементы сделки (согласование объекта, цены,

¹ Среди встречающегося в берестяных грамотах перечня разнообразия товаров можно выделить такие, которые явно имели торговую направленность — ячмень, соль, хмель, хлеб, кожи, ткани. Как правило, указанные товары приобретались довольно большими объемами (о чем можно судить по уплачиваемой цене), т.е. для торговых дел, а не для собственного употребления (см. грамоты № 133, 362) [2, стр. 592, 599].

² Правда, такое упоминание о предшествующих правоустанавливающим документах присутствует не всегда.

наличие свидетелей) наличествовали как при письменной, так и при устной форме ее совершения.

Для чего необходимо было придерживаться данной формулы? Формула играла роль некоего обряда, соблюдение которого позволяло сторонам и свидетелям отгородить факт бытовой действительности от факта, изменяющего правовое состояние¹.

Следует обратить внимание на следующую особенность договоров купли-продажи рассматриваемого периода — содержание купчей представляет собой описание только действий покупателя. Между тем любая купля-продажа — договор двусторонний: праву одной стороны корреспондирует обязанность другой и наоборот.

Анализ формулы договора, а также купчих грамот дает основание для следующего предположения: обычное право Северо-Западной Руси еще не рассматривает куплю-продажу в качестве синаллагматического договора. Текст купчих грамот свидетельствует, что здесь нет взаимных обязательств в привычном нам смысле. В купчих описывается уже свершившийся факт («Се купи Иаков Дмитриевич у Костковых детей ... в Сюзме рек треть земли... А дал на ней пять сороков бел. А купил Яков одерень себе и своим детям») (см. грамоту № 145).

Взаимообязывающий договор, каким является классическая купля-продажа, имеет другую формулу построения: продавец продает вещь, а покупатель платит за это деньги. Средневековая купля на Руси построена иначе: покупатель покупает и платит. Речь о действиях продавца напрямую не упоминается.

Несмотря на то что основное внимание было акцентировано на фигуре покупателя, а продавец, как активная фигура, осуществляющая какие-либо действия напрямую, не упоминался, купля являлась именно договором. Покупатель без согласованной воли с продавцом не смог бы ничего приобрести (как, впрочем, и наоборот).

Можно предположить, что правовое сознание этой эпохи рассматривало процесс возмездного отчуждения имущества не как соглашение, порождающее взаимные права и обязанности, а, скорее, как односторонний договор.

Какие черты, особенности были присущи такому договору купли? Однако прежде, чем отвечать на данный вопрос, необходимо понять, с какого момента возникал описываемый нами договор?

Договоры, по которым происходило отчуждение движимого имущества, совершались в устной форме. Вообще, устная форма сделки для пери-

---

¹ Известный исследователь русских доактовых обычаев С. В. Пахман приводит такой символический обряд, опосредующий процесс совершения договора: «Признаком окончательно состоявшегося обоюдного согласия на сделку признается обыкновенно тот момент, когда контрагенты взаимно берутся за руки или ударяют по рукам, которые разнимет посторонний человек» [6, стр. 124].

ода раннего обычного права является правилом, а любая письменная сделка — исключением. Все дело в том, что подавляющее большинство населения не знало грамоты, а поэтому, не могло бы участвовать в имущественных отношениях, основанных на письменной форме сделок. Именно поэтому для подтверждения факта совершения сделки привлекались послухи (свидетели).

Преобладающий характер устных сделок (особенно в торговле) делал невозможным консенсуальную модель. Свидетели, которые привлекались для легитимизации факта сделки, могли лишь подтвердить сам факт сделки, но не особенности условий последней.

Как известно, возникновение договора требует согласования воли его участников относительно условий того, о чем они договариваются. Однако само по себе одно соглашение *без совершения действий* по реализации достигнутых договоренностей, в силу каузальности средневекового права не способно было породить какие-либо правовые последствия. Поэтому договор возникал в момент согласования существенных условий и передачи вещи (или денег). Эти два действия (согласование и передача) шли одно за другим в неразрывной связи. Например, заем совершался в момент достижения сторонами соглашения относительно суммы займа и передачи вещи, составляющей заем. Купля-продажа, соответственно — с момента согласования воли сторон и передачи товара или денег.

Что может свидетельствовать о таком выводе? С одной стороны, мог ли продавец *обязать* покупателя заплатить деньги вперед? С другой стороны, мог ли покупатель *обязать* продавца передать вещь? Попробуем ответить на поставленные вопросы.

Дело в том, что модель купли была едина для всех ситуаций. Именно по вышеуказанной формуле продавали и покупали имущество. Ни в тексте Псковской судной грамоты (ни тем более в более раннем законе — Русской Правде), ни в самих грамотах нет иной конструкции возмездного отчуждения. Соответственно, невозможно было купить как-то иначе, чем предписывало обычное право.

Все письменные источники, описывают процесс заключения договоров купли с позиции уже состоявшегося факта. Соответственно, при таком положении у продавца нет обязанности передать вещь, равно как и у покупателя — обязанности ее оплатить. Нет ни одного примера, который бы свидетельствовал о принятом кем-то обязательстве (пообещал купить; пообещал продать и т.п.) до момента совершения действий, составляющих содержание такого обещания.

Иными словами, момент, когда стороны достигают соглашения и затем следует передача товара либо денег, является моментом заключения договора. Все последующие действия, которые могут совершить стороны, представляют собой уже исполнение возникшего договора.

В отличие от современной купли-продажи, договор по обычному праву средневековой Руси носил исключительно *односторонний* характер. Это, в свою очередь, объясняется реальным характером договора купли. Договор возникает с момента передачи одной из сторон товара либо денег. Следовательно, в момент возникновения договора одна из сторон уже исполнила свою обязанность и имеет только право требовать исполнения долга со своего контрагента, у которого остается обязанность по своему представлению.

Идеальный с точки зрения процесса купли-продажи вариант — когда за передачей товара следует передача денег. Но так происходило далеко не всегда. Исторические документы свидетельствуют о различных ситуациях, когда товар или деньги переданы (т.е. договор возник), а встречного исполнения нет. Описываемые ситуации порождают возникновение долговых обязательств¹. В литературе такие сделки квалифицируют в качестве разновидности купли — договор купли в кредит [5, стр. 201].

К чему приводило частичное исполнение договора? Какие последствия наступали при неисполнении одной из сторон своего обязательства?

Неоплата, а равно как и частичная оплата, безусловно, влекла возникновение долга и в случае отказа от погашения последнего возникал вопрос — какими средствами кредитор мог восстановить свое нарушенное право? Поскольку договор порождает обязательственные отношения, то принуждение должника происходило в рамках существующей договорной обязанности. Денежный долг принудительно взыскивали с должника (либо с его поручителя при наличии такового).

Сложнее было с неисполнением обязательства по передаче вещи. Дело в том, что пока вещь не передана, право собственности на покупателя не переходило. В отличие от взыскания денежного долга, обычное право не располагало механизмом принудительного отображения вещи у должника по неисполненному договору. В результате, если продавец передумывал и не передавал вещь, то максимально к чему его могли обязать, это вернуть деньги.

Таким образом, купля-продажа по нормам Псковской судной грамоты представляла собой реальный, односторонний договор, совершившийся строго по определенной формуле с соблюдением необходимых атрибутов, отсутствие или несоблюдение которых влекло признание такого договора недействительным.

Литература

1. Устрялов, Ф. Исследование Псковской Судной Грамоты 1467 г. — Санкт-Петербург. 1855.
2. Зализняк, А. А. Древненовгородский диалект. — Москва, 1995.

¹ «Зде тировал Нездельце вашь во Пльскове с детьми, тѣрговал с Кумордою и не доплатил Куморде 20 гривен серебра и полу-третье гривне серебра, а Ивана Голова, человека нашего, въвел в поруку. ... И ныне учините правду, выдайте Нездильца поручнику» (см. грамоту № 332).

3. Рейц, А. Опыт истории российских государственных и гражданских законов / перевод и примечания Ф. Морошкина. — Москва, 1836.
4. Мартышин, О. В. Вольный Новгород: общественно-политический строй и право. — Москва, 1992.
5. Оспенников, Ю. В. Правовая традиция Северо-Западной Руси XII—XV вв. : монография. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Юрлитинформ, 2011.
6. Пахман, С. В. Обычное гражданское право в России. — Т. 1. — Санкт-Петербург, 1877.

Literature

1. Ustryalov, F. Issledovaniye Pskovskoy Sudnoy Gramoty 1467 g. [Study of the Pskov Ship's Charter, 1467]. — Sankt-Peterburg. 1855.
2. Zaliznyak, A. A. Drevnenovgorodskiy dialect [Old Novgorod dialect]. — Moskva, 1995.
3. Reyts, A. Opyt istorii rossiyskikh gosudarstvennykh i grazhdanskikh zakonov [Experience in the history of Russian state and civil laws]/ perevod i primechaniya F. Moroshkina. — Moskva, 1836.
4. Martyshin, O. V. Vol'nyy Novgorod: obshchestvenno-politicheskiy stroy i pravo [Volny Novgorod: socio-political system and law]. — Moskva, 1992.
5. Ospennikov, YU. V. Pravovaya traditsiya Severo-Zapadnoy Rusi XII—XV vv. [Legal tradition of North-West Russia of the XII — XV centuries]: monografiya. — 2-ye izd., ispr. i dop. — Moskva : Yurlitinform, 2011.
6. Pakhman, S. V. Obychnoye grazhdanskoye pravo v Rossii [Customary civil law in Russia]. — Т. 1. — Sankt-Peterburg, 1877.